

© 2010 г. С. А. МЕЗИН*

**«ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»:
европейские мифы и российская реальность**

Так называемое Завещание Петра Великого – известная историческая фальшивка, созданная с антирусскими политическими целями. Этот мнимый план достижения европейского господства и завоевания мира давно оброс исторической литературой. С середины XIX в. о «Завещании» писали многие авторы: Е. Беркгольц, В. Зотов, Е. Карнович, К. Бестужев-Рюмин, С. Шубинский, Н. Яковлев, Е. Данилова, Н. Павленко и др. – в России; Ж. Шницлер, М. Сокольников, Л. Локхарт, Д. Лехович, Б. Муравьев, Л. Левитер, С. Блан, Э. Кросс и др. – за рубежом. В обширном перечне работ на эту тему можно выделить 2 статьи, претендующие на обобщение и подведение итогов, – Е. Даниловой¹ и С. Блан². В них содержится наиболее обстоятельная библиография вопроса. Основная англоязычная литература приведена в книге Э. Кросса³.

К теме «Завещания» обращались также В.П. Козлов⁴, Е. Журдан⁵ и автор этих строк⁶. Знакомство с отечественной и зарубежной литературой вызывает странное чувство, что эти 2 потока существуют параллельно, и авторы далеко не всегда слышат друг друга. Все исследователи сходятся лишь в том, что имеют дело с фальсификацией исторического источника. По поводу авторства ложного «Завещания» и исторических обстоятельств, его породивших, высказывались разные мнения. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы с учетом достижений предшественников дать наиболее адекватное обоснование авторства и времени появления «Завещания», а также целей его создания. Для этого необходимо не просто соотнести содержание «Завещания» с реальной политикой Петра I, но и рассмотреть его в широком контексте европейской внешней политики, идеологии и общественной мысли XVIII в. Изучение давно известного текста как проявления мифов и стереотипов, имеющих долгую жизнь в европейском общественном мнении, также может приблизить нас к пониманию его смысла и истоков. Нельзя обойти молчанием и вопрос о том, какие реальные политические события подпитывали миф о стремлении России к мировому господству, о русской угрозе «цивилизованной» Европе. Пожалуй, никто из современных исследователей не сомневается в том, что к созданию «Завещания» было причастно Министерство иностранных дел Франции. В Архиве Министерства среди дел 1725 г., относящихся к смерти российского императора, находится рукопись одной из версий «Завещания», как будто речь идет о подлинном документе⁷. Однако эта версия текста относится к поздней редакции 1830-х гг.

Самая ранняя редакция «Завещания» находится в том же архиве⁸. В преамбуле сказано, что это копия с оригинала, составленного в Варшаве в 1794 г.⁹ неким господином Томбёром, французским эмигрантом, бывшим редактором «Gazette de Pologne». Текст из 14 пунктов назван «резюме плана», хранящегося в личном архиве русских императоров, «написанного рукой Петра I, где представлены со всей откровенностью задуманные этим монархом проекты, которые он рекомендовал вниманию своих наследников, и которым большинство из них следовало с религиозным упорством»¹⁰. Автор

* Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

записки ссылается на авторитет бывшего английского консула в Петербурге Уильяма Итона, который в своем сочинении «Историческая, политическая и современная картина Оттоманской империи» якобы тоже писал о подобных планах русского царя¹¹.

Следующая по времени составления версия «документа» содержится в письме поляка Парадовского к своему соотечественнику М. Сокольникову, написанном в октябре 1796 г.¹² Парадовский, якобы бывший секретарем у П.А. Зубова¹³, обнаружил на бюро у фаворита Екатерины II какой-то «журнал», куда Лефорт¹⁴ день за днем записывал «все распоряжения и даже мечтания» царя. Здесь пункты «Завещания» даны в другом порядке по сравнению с предшествующим вариантом.

Наконец, упомянутый выше Сокольниковый, участник польского восстания 1794 г., побывавший в петербургской тюрьме, ставший затем одним из активистов польской эмиграции во Франции и наполеоновским генералом, представил Директории 19 октября 1797 г. записку под названием «Мнение о России»¹⁵. Это был страстный призыв польского эмигранта, родина которого тяжело пострадала от русской завоевательной политики, к Франции, забывшей о своем долге перед союзным дружественным государством, перед единоверцами-католиками. Главная идея памфлета, содержащего «резюме плана увеличения России», якобы разработанного и завещанного Петром I, – это идея о русской военной опасности, нависшей над Европой и над всем миром. По мнению автора, «французская революция и революция в Польше должны нанести смертельный удар планам Петра I», чтобы предотвратить грядущую катастрофу. План Петра I, по словам автора, был добыт в русских архивах, захваченных в 1794 г. в Варшаве. Размышления о русской угрозе дозрели у поляков, как отмечает Сокольниковый, в тюрьмах Петербурга. «Резюме плана увеличения России», за исключением одного пункта, идентично «резюме плана», приписанного Томбёру.

В 1797 г. материалы, представленные Сокольниковым, не показались актуальными французскому правительству. Но уже в 1799 г. русские войска под командованием А.В. Суворова оказались недалеко от границ Франции. Агрессивный характер внешней политики России на рубеже XVIII–XIX вв. не вызывает сомнения¹⁶. Но наиболее подготовленной к осуществлению планов европейского господства в начале XIX в. оказалась наполеоновская Франция. Одним из главных препятствий на этом пути была Россия. В этих обстоятельствах мифический «план Петра I» показался Наполеону удобным средством для обработки французского и европейского общественного мнения в условиях войны с Россией. В 1811 г. генерал Сокольниковый, призванный в Париж, принимал активное участие в секретных приготовлениях к войне. Он возглавил специальное бюро при Главном штабе Франции, ведавшее военной разведкой в России¹⁷. Вероятно, тогда же Наполеон, просмотрев и отредактировав текст «Мнения о России» Сокольникового, приказал включить его во второе издание книги французского историка Ш. Лезюра «О росте русской державы от ее возникновения до начала XIX в.»¹⁸. Книга Лезюра является историко-публицистическим сочинением, не лишенным для своего времени и некоторой научной ценности. В конце главы, посвященной Петру Великому, в примечании приведено резюме «плана Петра I», якобы хранящегося в секретных архивах русских царей. Сравнение текста «Мнения о России» Сокольникового с резюме в книге Лезюра не оставляет никаких сомнений, что перед нами один и тот же «документ»¹⁹. Текст, опубликованный Лезюром, отличается от своего протографа лишь незначительной редакторской правкой, одним дополнением и одним небольшим сокращением. Был добавлен пункт 8 (см. ниже), касающийся индийской и левантской торговли. В пункте 12 было убрано упоминание о завоевании Венгрии, так как об этом подробно говорилось в примечании («nota») к пункту 10.

В 1830-х гг., когда европейская общественность вновь была взбудоражена событиями в Польше, известный французский писатель Фредерик Гайярде²⁰ опубликовал вымышленные «Мемуары кавалера д'Эона» (Париж, 1836) и включил в них приписываемый Петру «план европейского господства», который французский дипломат якобы добыл в русских архивах около 1756 г. («План» этот представлял собой слегка

отредактированное «резюме» из книги Лезюра: тексту был придан вид императорского акта, таким образом, «резюме» превратилось в откровенную фальсификацию.) В 1839 г. польский автор Л. Ходзко выпустил в Париже книгу «Иллюстрированная Польша», в которой впервые текст «плана» был назван «Завещанием Петра Великого». Под этим именем «документ» многократно использовался в антирусских политических целях.

Такова внешняя история текста «Завещания», не оставляющая сомнений в том, что этот «документ» родился в среде польской политической эмиграции во Франции в конце XVIII в. В статье 1912 г. М. Сокольниковский (потомок и тезка наполеоновского генерала) прямо назвал своего предка одним из авторов этого апокрифа, а в качестве возможных соавторов назвал И. Потоцкого и Т. Мотовича. Версия о польско-французском происхождении «Завещания» принята зарубежными историками, которые вместе с тем не отрицают его более глубоких политических и идеологических корней.

Иная традиция атрибуции псевдозавещания сложилась в отечественной историографии. Данилова знала статью Сокольниковского и другие материалы, прямо сообщающие об участии польской эмиграции во Франции конца XVIII в. в сочинении текста будущего «Завещания», но отмахнулась от них, заметив в примечании, что сторонники этой версии не учитывают «исторической обстановки». Вслед за историками-популяризаторами XIX в. Данилова считала наиболее вероятным автором фальшивки известным своими авантурными похождениями французского дипломата шевалье д'Эона, побывавшего в России во второй половине 1750-х гг. Исследовательница полагала, что к «наброску», составленному д'Эоном, мог приложить руку французский посол в Польшу граф Брольи, доработавший «Завещание»²¹.

Между тем в распоряжении историков нет ни одного прямого и бесспорного свидетельства в пользу авторства д'Эона. Шевалье д'Эон де Бомон во время своего пребывания в Петербурге был всего лишь «скромным дипломатическим агентом», а его близость к Елизавете Петровне – выдумка досужих романистов²². Прибыв в Петербург, он писал, что намерен выучить русский язык и создать очерк истории России, ее нравов и законов, живописать мудрость правительства, процветание искусств и наук, красот Петербурга и его дворцов, дабы доставить удовольствие императрице и ее министрам²³. Позже он проявил себя как авантюрист и шантажист, как автор многочисленных компилятивных сочинений. Некоторые из них, например, «Рассуждение о легкости революции в России», «Общий мемуар о российской торговле», «Непредвзятая история императрицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра Великого» касались России и ее истории. Однако этот автор, не брезговавший компиляцией и плагиатом, готовый продать за деньги и опубликовать любые секреты, нигде не выказал своего знакомства с тайным завещанием Петра Великого.

Веским доводом против авторства д'Эона может служить и то, что дипломатический агент Людовика XV, которого современники называли «безумцем» и «шалопаем», едва ли мог предвидеть размах внешней политики Екатерины II, который *post factum* нашел отражение в «Завещании». Этого авантюриста, находившегося на французской дипломатической службе до 1764 г., оказался он автором апокрифа, следовало бы признать гением, который предсказал победы России над Турцией, разделы Польши, расклад международных отношений в конце XVIII в. Таким гением д'Эон, конечно, не был. Если дореволюционные историки были слишком увлечены авантурной личностью кавалера д'Эона, то советские исследователи за исключением В.Г. Сироткина²⁴, кажется, упорно не хотели видеть «польского следа» в составлении «Завещания»²⁵. В работе Козлова вновь представлена традиционная точка зрения²⁶. Т.В. Партаненко и В.А. Ушаков также называют д'Эона «одним из возможных авторов», не упоминая других версий. Однако в таком случае непонятно, почему авторы рассматривают «Завещание» как материал для изучения образа России в революционной Франции²⁷.

Прокомментирую текст «Завещания» в том виде, как он представлен в книге Ш. Лезюра, т.е. уже вполне сложившийся и в то же время близкий к своим идейным источникам XVIII в.²⁸

«1. Ничем не пренебрегать, чтобы придать русскому народу европейские формы жизни и обычаи, и с этой целью приглашать из Европы различных людей, особенно ученых, которые, или ради выгод, или из человеколюбивых принципов философии, или же по другим побуждениям, способствовали бы достижению этой цели».

Если не считать провокационного «ничем не пренебрегать», то этот пункт вполне адекватно отражает стремление Петра I и его наследников европеизировать русское общество. Об этом свидетельствуют заграничные путешествия царя, манифест о приглашении иностранцев, учреждение школ и Академии наук и многие другие меры. Как известно, Екатерина II тоже приложила немало усилий, чтобы придать России имидж европейской державы. Впрочем, в этом пункте можно усмотреть и другой подтекст: Россия не является органической частью Европы.

«2. Поддерживать государство в системе непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата в бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности к выступлению по первому знаку».

Этот пункт основывается на том очевидном факте, что Россия в XVIII в. вела почти непрерывные войны. Особенно отличалось в этом отношении правление Петра I. «Кроткая» Елизавета воевала примерно половину своего 20-летнего царствования. Из 34 лет правления Екатерины II 17 лет велась вооруженная борьба. Во второй половине XVIII в. войны следовали одна за другой, а в некоторые годы приходилось вести военные действия сразу на двух направлениях. Большинство этих войн носило наступательный, а подчас и завоевательный, имперский характер. Мысль о необходимости поддерживать армию в постоянной боевой готовности была глубоко присуща Петру I, который считал военное дело своей первейшей обязанностью. И сыну своему Алексею Петр рекомендовал «любить» военное дело: «Не хочу многих примеров писать, но то-чию равновесных нам греков, не от того ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал?»²⁹ Царю приписывали такие слова: «Мир – хорошо; однако притом дремать не надлежит, чтоб не связали рук, да и солдаты чтоб не сделались бабами»³⁰.

«3. Всевозможными средствами расширять свои пределы к северу, вдоль Балтийского моря, и к югу, вдоль Черного моря».

Автор «плана» констатирует основные направления внешней политики России в XVIII в., но поскольку смотрел на нее из Европы, а не из России, то Балтийское море оказалось на севере.

«4. Поддерживать в Англии, Дании и Бранденбурге недоброжелательство к Швеции, вследствие чего эти державы будут сквозь пальцы смотреть на захваты, которые можно будет делать в этой стране, и на окончательное ее покорение».

После тяжелого поражения в Северной войне Швеция еще дважды в XVIII в. (1741–1743 и 1788–1790 гг.) объявляла войну России, и всякий раз терпела поражение. Во второй половине века Швеция стала ареной политической борьбы России и Франции, которые откровенно вмешивались во внутренние дела этой страны. Дания, Пруссия и Англия в разное время были и союзниками и противниками России в борьбе со Швецией. Составляя этот пункт, автор имел в виду не реальную политику Петра I, а весьма произвольно понимаемый политический опыт всего XVIII столетия.

«5. Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы; под этим предлогом содержать постоянную армию и основывать по берегам Черного моря верфи и, постоянно подвигаясь вперед, достичь Константинополя».

Австрия гораздо раньше России самостоятельно озаботилась изгнанием турок из Европы. Что же касается превращения России в Черноморскую державу, то эта мечта Петра I действительно была осуществлена Екатериной II в результате русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Выход России к Черному морю воспринимался

общественным мнением как воплощение планов Петра. Что касается «продвижения» к Константинополю, то эти мечты лишь в конце XVIII в. стали казаться осуществимыми Екатерине и ее окружению, когда возник так называемый греческий проект. В 1795 г. П.А. Зубов представил императрице план овладения Персией и всем Востоком до Тибета, а затем и захвата Константинополя. Но в политическом сознании современников такие планы приписывались и Петру I. В 1763 г. престарелый фельдмаршал Б.-Х. Миних писал Екатерине II: «Я могу доказать твердо обоснованными доводами, что в 1695 г., когда Петр Великий впервые осадил Азов, в течение 30 лет его главным намерением и желанием было завоевать Константинополь, изгнать неверных – турок и татар – из Европы и восстановить таким образом греческую монархию»³¹. Примерно в то же время, когда вышла книга Лезюра, русский автор писал о завоевании Константинополя: «Основание великого плана твердо и поныне, и Россия всегда имеет может средства его осуществить»³².

«6. Поддерживать анархию в Польше, влиять на ее сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждом удобном случае и, наконец, покорить».

Этот пункт в целом адекватно отражает позицию России в польском вопросе, хотя Петр I, конечно, не мог еще думать о покорении Речи Посполитой, а заботился лишь о том, чтобы держать ее «в узде». А Екатерина II на первых порах желала не дробить Речь Посполитую, а полностью подчинить ее русскому влиянию. Свершившийся раздел Польши, в котором активное участие принимала Россия, придавал этому пункту правдоподобие.

«7. Заключить тесный союз с Англией и поддерживать с нею прямые отношения посредством хорошего торгового договора; позволить ей даже пользоваться некоторого рода монополией внутри страны, что незаметным образом послужит к сближению между английскими и русскими торговцами и моряками, которые со своей стороны всеми мерами станут благоприятствовать усовершенствованию и увеличению русского флота, при помощи которого тотчас же надлежит добиться господства над Балтийским и Черным морями, – это существенное условие для успешного и скорого выполнения этого плана».

Хотя отношения России и Англии при Петре I не всегда были дружественными, русская дипломатия XVIII в. стремилась поддерживать союз с Англией, который был экономически выгоден России. Известный русский дипломат середины века А.П. Бестужев-Рюмин считал союз с Англией важнейшей частью «системы Петра Великого»³³. К началу XIX в. на долю Англии приходилось 37% российского экспорта; 63% всех купцов, торговавших с Россией, были англичанами³⁴. Таким образом, составители «Завещания» лишь констатировали очевидный факт, прибавляя к нему провокационную мысль о том, что именно Англия способствовала росту морского могущества России.

«8. Он советует всем своим преемникам проникнуться той истиной, что индийская торговля есть торговля мировая и что тот, у кого исключительно она будет в руках, станет и истинным властителем Европы, что поэтому не следует терять ни одного удобного случая для возбуждения войны с Персией и для ускорения ее вырождения; надлежит углубиться до Персидского залива и озаботиться восстановлением прежней левантской торговли через Сирию».

Интерес царя к восточной торговле, поиски путей в Индию, завоевание Каспийского побережья и части Персии – это известные факты истории петровского времени. Но ближайшие наследники Петра не продолжили его завоевательной политики в этом направлении. Лишь Павел I, поссорившись с Англией, отдал казакам М.И. Платова безрассудный приказ «идти и завоевывать Индию», но поход, как известно, не состоялся из-за смерти императора. «Левантская торговля через Сирию» Петра I никоим образом не интересовала, зато была традиционной сферой интересов французской дипломатии, поэтому Наполеон или его помощники вставили этот пункт в «Завещание». Франция озаботилась этим вопросом тогда, когда во второй половине XVIII в. Россия стала черноморской державой и наряду с другими европейскими державами стала претендовать на раздел турецкого «наследства».

«9. Вмешиваться, невзирая ни на что, силою или хитростью, в распри Европы и особенно Германии».

Вмешательство Петра I в дела германских княжеств имело место. В частности, ввод русских войск в Мекленбург в 1716 г. наделал много шума в Европе. В дальнейшем эта проблема иногда вновь назревала, например, в связи с Курляндией. Наконец, в начале XIX в. захватническая политика Наполеона до крайности обострила русско-французские противоречия в Германии.

«10. Заискивать и поддерживать союз с Австрией, убаюкивать ее любимой ее мыслью о преобладании, пользоваться малейшим на нее влиянием для вовлечения ее в разорительные войны, с целью постепенного ее ослабления, временами даже помогать ей, а между тем, втайне создавать ей врагов в Европе и особенно в Германии, возбуждая в государях к ней зависть и недоверие. Nota: Этого тем более легко достигнуть, говорил Петр, что этот надменный дом уже не раз являл претензию господствовать над всеми древними государствами Европы, и каждый раз, когда он будет пытаться это осуществить, мы будем занимать по несколько прекрасных провинций, окружающих Венгрию, и, наконец, включим последнюю в нашу империю в качестве эквивалента».

В этом пункте «Завещания» нашел превратное истолкование традиционный союз России и Австрии, иногда омрачавшийся взаимными претензиями. В этой связи можно вспомнить и тайные переговоры Петра I с вождем венгерских повстанцев Ф. Ракоци.

«11. В супруги русским монархам избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи».

Петр действительно положил начало династическим связям России с германскими княжествами, хотя самой большой матримониальной мечтой царя был брак его дочери Елизаветы с французским королем Людовиком XV. Родственные связи с Германией, приведшие к укреплению на российском престоле «гольштейнской династии», особенно укрепились в конце XVIII и начале XIX в.: первой женой Павла Петровича была Вильгельмина Гессен-Дармштадтская, второй – София–Доротея Вюртембергская. Немецкие княжества, по выражению современного историка, были «неисчерпаемым источником невест» для детей Павла I: Александр I женился на принцессе Луизе Баденской, мужьями 5 его сестер были принцы Мекленбург-Шверинский, Саксен-Веймарский, Ольденбургский, а также эрц-герцог австрийский и нидерландский король³⁵.

Как отмечали еще русские дореволюционные историки, первые 11 пунктов «Завещания» «представляют не что иное, как сжатое и относительно верное изложение политической системы, которой следовало русское правительство в своих внешних сношениях и войнах со времени кончины Петра Великого до 1812 г.»³⁶. Этот очевидный факт делает несостоятельным один из главных доводов Даниловой, отвергающих подлинность «Завещания», – о несоответствии изложенных в нем завоевательных планов реальной политике Петра I и его преемников. Да и основывала она его не на анализе внешней политики России в XVIII в., а на том объяснимом условиями времени убеждении, что Россия никогда не имела завоевательных планов, она лишь возвращала «исконные» земли и обеспечивала безопасность своих границ. Автор прямо и с подкупающей откровенностью заявляла, что на иной позиции «русские историки, советские историки не могут стоять», что другой подход «неверен и вреден»³⁷. Из советских историков о завоевательном характере некоторых внешнеполитических акций Петра первым написал Е.В. Анисимов: что великий реформатор стал основателем не только Российской империи, но и имперской политики, начала которой были успешно развиты его преемниками, особенно Екатериной II»³⁸. Однако констатацией более или менее вероятных завоевательных планов России в XVIII в. авторы «Завещания» не ограничились. Далее они начертали фантастический план завоевания мирового господства.

«12. Пользоваться религиозным влиянием на греко-восточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южных частях Польши, привлекать их к себе всевозможными прельщениями, навязываться в их покровители и добиваться над ними духовного

главенства. Под этим предлогом и этим путем Турция будет покорена, и сама Польша, не имея уже возможности поддерживать себя ни собственными силами, ни своими политическими связями, точно так же скоро попадет под иго».

Отправляясь в Прутский поход против Турции, Петр I, как известно, рассчитывал на помощь православных народов Дунайских княжеств; эти надежды в основном не оправдались. Вопрос о правах «диссидентов», надежды на поддержку православных народов и позже фигурировали во внешнеполитических планах русского правительства. К концу XVIII в. православное население Речи Посполитой (украинцы и белорусы) полностью перешло под власть России.

«13. Тогда каждая минута будет дорога. Необходимо втайне приготовить все средства для нанесения сильного удара, действовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европе времени прийти в себя. Надлежит начинать чрезвычайно осмотрительно, с отдельного предложения сперва Версальскому двору, потом Венскому, относительно раздела между собой власти над всем миром, давая им в то же время заметить, что это предложение не может казаться им подозрительным, ибо Россия *de facto* – уже повелительница всего Востока, и кроме этого титула больше ничего не выигрывает. Без всякого сомнения, этот проект увлечет их и вызовет между ними войну насмерть, которая вскоре сделается всеобщей вследствие обширных связей и сношений двух этих соперничающих дворов, естественно враждебных друг другу, а равно вследствие того участия, которое по необходимости примут в этой распри все другие европейские дворы».

«14. Среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то та, то другая из воюющих держав, и после длительного колебания – дабы они успели обессилить друг друга – и, собравшись сама с силами, она для вида должна будет высказаться, наконец, за Австрийский дом. Пока ее линейные войска будут подвигаться к Рейну, она вслед за тем вышлет свои несметные азиатские орды. И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под конвоем двух вооруженных флотов – Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию; одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига. Все эти диверсии дадут тогда полный простор регулярной армии действовать со всей силой, с полной уверенностью в победе и в покорении остальной Европы».

Как неоднократно отмечалось исследователями, пункты 13 и 14 не имеют связи с реальной политикой России, являются русофобской фантазией, направленной на то, чтобы запугать европейского читателя «русской угрозой». По словам С. Блан, начиная с холодного «документального» изложения, «Завещание» к концу скатывается к мелодраме. Последние пункты «Завещания» с их специфической лексикой («отщепенцы», «схизматики», «несметные азиатские орды», «кочевые, свирепые и жадные до добычи народы») со всей очевидностью выдают в авторе «Завещания» непримиримого врага России, несомненного католика.

Рассмотрение последних пунктов «Завещания» делает необходимым обращение к истории вековых стереотипов «русской угрозы». Образ жестокого и агрессивного «русского варварства» появился в европейской общественной мысли еще до XVIII в., но только в условиях Северной войны старые стереотипы вылились в идею «русской угрозы». Взятие русскими войсками Берлина в ходе Семилетней войны вызвало новый приступ страха и неприязни к «сибирским волкам и медведям». Фридрих II называл Россию «ужасной силой», которая «через полвека заставит дрожать всю Европу». По поводу роста могущества России высказывали беспокойство французские просветители, например, Д. Дидро и Г.-Т. Рейналь. Известный своими польскими симпатиями Ж.-Ж. Руссо пророчествовал: «Российская империя пожелает покорить Европу – и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими повелителями»³⁹. Авторы, писавшие о русской опасности, опирались на ряд стереотипов, которые легко просматриваются и в тексте «Завещания»: о вековом противостоянии «варварского» Севера и «цивилизованного» Юга (позже возникнет оппозиция Восток – Запад), о постоянной угрозе Европе со стороны орд кочевников, о принадлежности России в кочевому «гуннскому» и «татарскому» миру, о природной склонности русских к насилию⁴⁰.

Политические истоки «Завещания» лежат на поверхности – это враждебность внешней политики Франции и России на протяжении почти всего XVIII в.⁴¹ Появление России на европейской политической арене нарушило равновесие между державами, которое тщательно поддерживалось европейской (в особенности французской) дипломатией. Россия раз за разом наносила удары по странам созданного Версалем в противовес Габсбургам «восточного барьера»: Швеции, Польше, Турции. Упоминание о завоевательных «проектах» Петра I, которым «слепо и неразумно» следуют русские монархи, было едва ли не общим местом в тайной переписке французских дипломатов. После раздела Польши и успехов в войне с турками рост российской мощи и влияния все больше воспринимался в качестве главной угрозы равновесию в Европе. Основной целью французской дипломатии становилось разжигание антироссийских настроений во всех сопредельных странах⁴².

Именно в конце XVIII в. сформировалась самая благоприятная идейно-политическая обстановка для появления антирусского апокрифа. Важнейшим фактором, вызвавшим к жизни «Завещание Петра Великого», была Французская революция 1789–1799 гг. Этот фактор советские историки старались не замечать. Между тем революция испортила русско-французские отношения всерьез и надолго. Копившаяся исподволь русофобия, страх перед Россией и ее «варварской» силой из области дипломатии открыто выплеснулись в сферу общественно-политической мысли. Официальная французская пропаганда стремилась отлучить «варварскую» Россию с ее «абсурдным деспотизмом восточного типа», с ее насилием и произволом от «цивилизованной» Европы⁴³. В условиях отсутствия дипломатических отношений между двумя странами во Франции ощущался явный дефицит сведений о далекой северной стране, что открывало дорогу русофобским мифам. Ш.М. Талейран, возглавлявший Министерство иностранных дел при Директории, пользовался в своей политической практике текстом «Завещания», доставленным польскими эмигрантами, и характеризовал Россию как «непримиримого врага республики»⁴⁴.

Революция сделала непопулярной идею просвещенного монарха. Поэтому Россия, вдохновившая европейских просветителей на создание мифа о Петре Великом, олицетворявшем прогресс и борьбу с варварством (над его созданием особенно много трудился Вольтер), в конце века получила в ответ «Завещание Петра Великого». Наконец, именно в эпоху коалиционных войн конца XVIII – начала XIX в., которые были детищем Французской революции, планы европейского и мирового господства казались наиболее реальными. Главным претендентом на мировое господство выступал Наполеон, но и Россия стремилась к европейской гегемонии.

Наполеон прагматично подходил к формированию образа России во французском общественном мнении. Заключив временный союз с Александром I, он распорядился «не писать более глупостей о России». В периоды обострения русско-французских противоречий, накануне войны 1812 г. Бонапарт выражал свое мнение о России вполне в духе «Завещания»⁴⁵. Как справедливо заметила Е. Журдан, вопрос о причастности Наполеона к редактированию текста «Завещания» остается открытым. Собственные представления Наполеона о России, возможно, складывались под влиянием «Истории обеих Индий» Г.-Т. Рейналя. Генерал знакомился с переизданием этой книги во время египетской экспедиции. Как известно, в этом популярном издании Рейналь и его соавтор Д. Дидро пришли к выводу, что цивилизация России идет неверным, искусственным путем. Авторы осуждали завоевательную политику Петра I и были далеки от его идеализации в качестве просвещенного монарха. Генерал-адъютант Наполеона граф Л. де Нарбонн-Лара передавал отзыв французского императора о Петре I высказанный в Кремле в 1812 г. В нем Наполеон представлял свою русскую кампанию как ответ на завоевательные акции Петра, который, по его словам, «принудил меня век спустя после его смерти к этой ужасной поездке». Здесь же Наполеон упоминал о намерении Петра «сделать Россию повелительницей»⁴⁶. Этот рассказ лишний раз подтверждает знакомство Наполеона с идеями «Завещания».

Сказанное выше позволяет сделать несколько заключительных наблюдений. «Завещание Петра Великого» имеет своей исторической основой реальную внешнюю политику России в XVIII в., превратно истолкованную в антирусском духе. Более всего в «документе» просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Разбойничий раздел Польши и крайнее обострение русско-французских отношений в конце XVIII в. создали самую благоприятную обстановку для его появления в революционной Франции. Авторы «Завещания» принадлежали к среде польской эмиграции во Франции 1790-х гг. Составители не были знатоками внешней политики Петра I и его преемников, из-за чего в тексте имеются ошибки и нелепости⁴⁷. Но они верно уловили многие тенденции русской политики и связали их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII в. стереотипом: Россия – творение Петра I. Мешая правду с вымыслом, авторы завершили создание мифа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым стереотипом – «русского варварства». «Завещание» отражает политическую ситуацию в Европе конца XVIII – начала XIX в., что не позволяет рассматривать кавалера д'Эона как возможного автора фальшивки. В определенном правдоподобии «Завещания» видится одна из причин его живучести в европейском политическом обиходе. Другая причина кроется в том, что в «Завещании» представлены вековые стереотипы, постоянные мифы, имеющие долгую жизнь в европейской общественной мысли.

Примечания

¹ Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. Т. 2. М., 1946. С. 203–270; То же: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: Сборник статей. М., 1986. С. 213–279.

² Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX, № 3–4. P. 265–293.

³ Cross A. G. Peter the Great through British eyes: perceptions and representations of the Tzar since 1698. Cambridge, 2000. С. 103–125.

⁴ Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 77–89.

⁵ Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand. Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004, printemps. № 18. URL: <http://imp.univ-paris1.fr/spip.php?article204>.

⁶ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 169–183.

⁷ Jourdan E. Op. cit. Примеч. 96.

⁸ Archives du Ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents. Russie, т. 31, № 31, f. 327–330. Мне удалось познакомиться с архивным оригиналом лишь этой версии «Завещания». Сведения о других взяты из статей М. Сокольниковского и Е. Журдан.

⁹ Дата польского восстания взята условно и вполне допускает более позднее составление текста.

¹⁰ Archives du Ministère des Affaires étrangères... f. 327.

¹¹ Как заметила Е.Н. Данилова, это не соответствует действительности (Данилова Е.Н. Указ. соч. С. 217).

¹² Jourdan E. Op. cit. Примеч. 9.

¹³ Среди секретарей П.А. Зубова человек с такой фамилией не упоминается (Русская старина. 1876. Т. 16, 17).

¹⁴ Упоминание здесь Лефорта как «доверенного лица Екатерины I» является плодом недоразумения, ибо фаворит Петра I Ф.Я. Лефорт, умерший в 1699 г., как и саксонский посол при русском дворе Н.С. Лефорт, не могли быть одновременно «доверенными лицами» Петра I и Екатерины I.

¹⁵ Sokolnicki M. Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un prétendu document historique) // Revue des sciences politiques. 1912. Т. XXVII, № 1. P. 92–93.

¹⁶ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ [Lesur Ch.] Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. P., 1812.

- ¹⁹ Ср.: *Sokolnicki M.* Op. cit. P. 92–93; *Lesur Ch.* Op. cit. P. 177–179.
- ²⁰ С. Блан назвала его «соперником А. Дюма» (*Blanc S.* Op. cit. P. 266).
- ²¹ *Данилова Е.Н.* Указ. соч. С. 259.
- ²² *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1755. С. 98–100.
- ²³ *Строев А.Ф.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 336–337.
- ²⁴ *Сироткин В.Г.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1.
- ²⁵ *Борисовский Б.* Водевель с подлогом // История. Научно-популярные очерки. М., 1985.
- ²⁶ *Козлов В.П.* Указ. соч. С. 77–89.
- ²⁷ *Партаненко Т.В., Ушаков В.А.* Образ России в революционной Франции («Завещание Петра Великого») // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Ревуненкова. СПб., 2006. С. 45.
- ²⁸ *Lesur Ch.* Op. cit. P. 177–179. См. также: *Шубинский С.Н.* Мнимое завещание Петра Великого // Древняя и Новая Россия. 1877. № 1. С. 98–99.
- ²⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 9. С. 136.
- ³⁰ Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 299.
- ³¹ *Валишевский К.* Роман императрицы. Екатерина II. М., 1990. С. 409.
- ³² *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 35.
- ³³ *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 98.
- ³⁴ *Троицкий Н.А.* Россия в XIX веке: Курс лекций. М., 1997. С. 15.
- ³⁵ См.: *Геллер М.Я.* История Российской империи. Т. 2. М., 1992. С. 220–221, 255–256.
- ³⁶ *Шубинский С.Н.* Указ. соч. С. 99.
- ³⁷ *Данилова Е.Н.* Указ. соч. С. 28, 31.
- ³⁸ *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 417.
- ³⁹ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 183.
- ⁴⁰ Подробнее см.: *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
- ⁴¹ См.: *Черкасов П.П.* Указ. соч.
- ⁴² *Зорин А.Л.* Указ. соч. С. 72–76.
- ⁴³ См.: *Летчфорд С.Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004; *Митрофанов А.А.* Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в. (по материалам публицистики и печати). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- ⁴⁴ *Jourdan E.* Op. cit. Примеч. 38.
- ⁴⁵ *Jourdan E.* Op. cit. Примеч. 81–86.
- ⁴⁶ Рукописный отдел ИРЛИ РАН, ф. 265 («Русская старина»), оп. 2, № 4248, л. 2.
- ⁴⁷ См.: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 416–417.

© 2010 г. П. С. КУПРИЯНОВ*

СВОЕ И ЧУЖОЕ В РУССКОМ ЗАГРАНИЧНОМ ПУТЕШЕСТВИИ НАЧАЛА XIX века

В научных исследованиях путешествия традиционно воспринимаются и описываются как опыт межкультурного взаимодействия. Встреча с *другим* всегда требует различения *своего* и *чужого* и осмысления выявленных различий. По меткому замечанию

* **Куприянов Павел Сергеевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00001а.